



Екатерина СОСНИНА

О МОНТАНЬЯРАХ,  
БОЛЬШОМ КИНЖАЛЕ  
И ОБ ИСКУССТВЕ  
УМИРАТЬ,  
или Два сюжета о роковой дуэли  
М. Ю. Лермонтова

Мы — европейские слова. И азиатские поступки.

Н. Щербина

**Монтаньяр со Вшивой горки**

Формально М. Ю. Лермонтова погубило слово *монтаньяр*. Или, вернее, шутка, сказанная им по-французски в адрес приятеля — Н. С. Мартынова: «*Montagnard au grand poignard*», что в буквальном переводе означает: «Горец с большим кинжалом». Вот как описывают современники поэта события, непосредственно связанные с историей его роковой дуэли.

---

Екатерина Леонидовна Соснина родилась в 1962 году в городе Эссентуки. Окончила факультет французского языка Пятигорского педагогического института иностранных языков. Кандидат исторических наук, доцент, член Московского межрегионального Лермонтовского общества, главный научный сотрудник Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске, автор многочисленных, в том числе зарубежных (Франция, Венгрия), публикаций по лермонтоведению и истории Северного Кавказа, обладатель исследовательского гранта правительства Франции (2001), издательского гранта Российского научного гуманитарного фонда (2004). Под редакцией Е. Л. Сосниной было осуществлено современное переиздание биографии М. Ю. Лермонтова, составленной первым биографом поэта П. А. Висковатым (Висковатый П. А. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Под редакцией Е. Л. Сосниной. М.: Гелиос АРВ, 2004). Публиковалась в литературных журналах: «Новый журнал» (Санкт-Петербург), «Сура» (Пенза), «Дарьял» (Владикавказ).

Через полтора месяца после приезда М. Ю. Лермонтова в Пятигорск, 13 июля 1841 года, вечером, в доме Верзилиных<sup>1</sup>, где часто собиралась молодежь, развернулись роковые события. Князь С. В. Трубецкой играл на фортепьяно. Среди прочих в комнате был Л. С. Пушкин, брат поэта. Лермонтов сидел подле одной из дочерей хозяев дома. В комнату вошел Мартынов, одетый, по своему обыкновению, в щегольскую черкеску с серебряными газырями и с большим кинжалом у пояса, красивый и надменный. Видно было, что он любит себя, и это было смешно. Лермонтов, не терпевший ни малейшей фальши, при каждой встрече подтрунивал над приятелем. Однако не выходил за границы дружеской шутки. Впоследствии о том вечере, когда произошла ссора, вспоминала современница поэта Эмилия Александровна Клиггенберг (в замужестве Шан-Гирей): *«Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего особенно любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его „Montagnard au grand poignard“ (горец [или монтаньяр] с большим кинжалом. — Е. С.). Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово „poignard“ раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом: он подошел к нам и голосом, весьма сдержанным, сказал Лермонтову: „Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах“, и так быстро отвернулся и отошел прочь, что даже не дал опомниться Лермонтову, а на мое замечание „язык мой — враг мой“ Михаил Юрьевич отвечал спокойно: „Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями“...»*

После уже рассказывали мне, что, когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на что Лермонтов спросил: *«Что же, на дуэль что ли вызовешь меня за это?»* Мартынов ответил решительно *«Да»*, и тут же назначили день. Все старания товарищей к их примирению оказались напрасными<sup>2</sup>.

Часто посетители лермонтовского музея, прослушав этот безыскусственный рассказ, с недоумением пытаются понять: *«А что обидного-то было сказано? Горец? Ну и что?!»*

Отметим, что во времена поэта слово *«montagnard»* не требовало перевода. Это был исторический термин. Монтаньяры — буквально горцы — так называлась политическая партия, образовавшаяся во время Великой французской революции (1789—1794). С открытия Законодательного собрания 1 октября 1791 года монтаньяры занимали верхние ряды левой стороны, откуда и произошло название их партии — «вершина», «гора» (фр. la montagne). Менее образованные, чем жирондисты, монтаньяры были смелее, решительнее, с большими организаторскими способностями. После решительной победы над жирондистами в 1793 году монтаньяры обнародовали конституцию, которая никогда не была принята. Таким образом, монтаньяр — представитель крайне левой партии Конвента во время французской буржуазной революции. Настроенные против Робеспьера казнью своего вождя Дантона, монтаньяры способствовали перевороту 9 термидора, но этим только приблизили собственный конец. Шесть «последних монтаньяров» были приговорены к казни на гильотине, они пытались *убить себя кинжалом*, передаваемым из рук в руки. Гибель этих людей — «последних монтаньяров» — явилась трагическим и величественным финалом их истории.

Они знали, что их ждет, но никто из этих истинных героев не отрекся от своих идеалов, не дрогнул, не унизился до мольбы о пощаде. Они были рады умереть за

<sup>1</sup> Ныне д. 9 по ул. Буачидзе; здесь теперь располагается литературный отдел музея-заповедника М. Ю. Лермонтова.

<sup>2</sup> М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. С. 432—433.

«конституцию равенства», но только не на гильотине. Один из монтаньяров — Гужон сумел убедить близких оказать ему и его товарищам последнюю роковую услугу. Мать пришла к нему с двумя другими своими сыновьями, и младший из них, 11-летний Антуан, которого не стали обыскивать, сумел передать Гужону длинный острый нож с черной рукояткой.

Когда подсудимым объявили приговор и поместили в специальной комнате, откуда их с минуты на минуту должны были отвезти на гильотину, Гужон выхватил нож и вонзил его себе в грудь. Затем Ромм выдернул кинжал из мертвого тела и тоже заколол себя. Дюкенау сделал то же самое и нашел силы, чтобы самому выдернуть лезвие из раны, и передал его, умирая, Дюруа. Тот в свою очередь вонзил в себя кинжал, но остался жив; не удалось сразу умереть и Бурботту. Поразивший себя Субрани скончался в телеге по пути к месту казни, и его обезглавили уже мертвого. Своим поистине римским мужеством «последние монтаньяры» потрясли даже своих врагов. Они спасли честь и славу Горы, которую скомпрометировали ренегаты и трусливые попутчики.

Ни об одном событии всемирной истории не написано так много, как о Великой французской революции. Ей посвящали свои труды историки. Она привлекала внимание многих выдающихся писателей. О ней часто размышляли профессиональные политические деятели. Над историей всей Европы еще столетие витал ее грозный призрак.

Высокие идеалы, провозглашенные монтаньярами, оказались созвучны современникам М. Ю. Лермонтова, особенно тем, кто оказался на Кавказе в качестве «неблагонадежных». Благородные, погибающие в «теплой Сибири» личности. Ценой собственной жизни, но не ценой смирения оставляли они свой след в истории и в литературе. И образ кинжала ожил в их творчестве «как символ тираноборства и свободы» (И. Л. Андроников), как символ предпочтения смерти поражению. Подобная семантика этого образа пронизывает стихотворение А. С. Пушкина «Кинжал», в котором упоминаются три политических убийства, совершенных в разные исторические эпохи (Брут — Цезарь, Корде — Марат, Занд — Коцебу). Нетрудно заметить, что второе убийство вновь возвращает нас к событиям Великой французской революции. Продолжая пушкинскую традицию, Лермонтов обогащает смертоносный символ новыми коннотациями: для него кинжал означает не только месть и честную битву (нажать на курок может каждый, убить же кинжалом себя или другого — это поступок настоящего мужчины), но и свободу.

В контексте вышеизложенного высмеивание М. Ю. Лермонтовым позерства Н. С. Мартынова, вышедшего в отставку в чине майора, как многие утверждали тогда, из-за некрасивой карточной истории, а отнюдь не из-за политических преследований, приобретает особый смысл. Сарказм поэта при виде напыщенного Н. С. Мартынова, старавшегося во что бы то ни стало привлечь к себе внимание, усиливался по мере появления в костюме приятеля ненужных, излишних деталей, нарушающих строгий канон классического мужского северокавказского костюма (огромные бутафорские газыри, слишком короткие рукава черкески — отставному майору явно не хватало аксессуаров обмундирования, положенного по уставу)<sup>3</sup>.

Стремление Мартынова изображать из себя политическую жертву и при этом щеголять в утрированной «черкесской» одежде, с непременно огромным кинжалом не

<sup>3</sup> Подробности особенностей кавказского костюма лермонтовского времени и мотивации провокационного поведения как формального повода к роковой дуэли рассмотрены в статье д. и. н. З. В. Доде (Доде З. В. Особенности кавказского костюма времени М. Ю. Лермонтова и мотивация провокационного поведения // М. Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре. Материалы Всероссийской научной конференции-2012. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. С. 238–247).

могло не вызывать у Лермонтова постоянного острого раздражения. Э. Г. Герштейн пронизательно заметила, что в образе Грушницкого поэт воплотил не только ложный романтизм подобного типа, но и фальшивую позу гражданского мученичества<sup>4</sup>.

Итак, М. Ю. Лермонтов пошутил «не в бровь, а в глаз». В его фразе не было ничего оскорбительного, но она была наполнена скрытым смыслом, который развенчивал позерство Мартынова, провоцировал его амбициозное сознание.

Слово Лермонтова, как всегда, оказалось слишком метким, разительным. Оно не просто производило сильное впечатление на окружающих, оно поражало, заставляя думать, искать скрытый в нем смысл. Как тут не вспомнить то, что однажды сказал Н. А. Полевой (1796—1846) о Пушкине: «Насмешки его остры, умны, разительны»<sup>5</sup>. В полной мере эту характеристику можно отнести и к М. Ю. Лермонтову.

Высокий смысл слова «монтаньяр», соответствующий исторической правде, в характеристике Мартынова снижается до пародийного уровня. Интересно, что подобная пародийная параллель возникнет позднее в романе Н. С. Лескова «Некуда» (1864):

— Да, да, только эти **монтаньяры со Вшивой Горки** чтоб не наделали каких-нибудь гадостей.

— Они, я думаю, совсем к этому равнодушны.

— Да, помилуй бог! ... Одно слово глупое, один жест, и сейчас придерутся.

(Н. Лесков. «Некуда». Глава одиннадцатая. Разворошенный муравейник)

Итак, у Н. С. Лескова возникает интересный образ *монтаньяра со Вшивой Горки*. Как он соответствует Н. С. Мартынову! На эту же пародийную параллель еще до Лескова указал русский поэт XIX века Н. Ф. Щербина (1821—1869)<sup>6</sup> в сатирическом стихотворении «Московским красным»<sup>7</sup>, в котором он писал о кружке московских западников, собиравшихся в салоне Е. В. Салиас де Турнемир (Е. Тур) на улице Швивая Горка<sup>8</sup>. Таким причудливым топонимом обозначается юго-западный склон московского Таганского холма в Заяузье. Этот московский топоним является одним из самых интригующих вследствие своей неблагозвучности и неясной этимологии. Вот лишь несколько гипотез его происхождения: 1). Здесь были огороды, на которые нападали насекомые-вредители (так называемые вши). И. К. Кондратьев в книге «Седа старина Москвы» пишет: «Скажем несколько слов о Швивой, а по-простонародному Вшивой, горке» — и далее приводит, по его мнению, «неосновательный» рассказ о происхождении простонародного названия. Действие этого рассказа относится к концу I века, когда по Яузе и Москве-реке, тогда полноводным, проходил древний торговый путь, и тогдашние «бурлаки раскладывали здесь костры, варили себе пищу и, между прочим, обсушивались и истребляли известных неприятных насекомых»; 2). Через горку проходила дорога в Хиву (Шиву); 3). Здесь проживали портные (швецы).

Однако у Н. С. Лескова словосочетание «монтаньяр со Вшивой Горки» становится прецедентным «словообразом», реминисцентно связанным с широко известной ситуацией вызова М. Ю. Лермонтова на дуэль. Не случайно именно в романе «Некуда», где наблюдается экспансия прецедентности, писатель охотно пользовался цитатами из

<sup>4</sup> См.: Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. 2-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1986. 351 с.

<sup>5</sup> Полевой Н. А. «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике, 1820—1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. С. 262—266.

<sup>6</sup> Щербина Н. Альбом ипохондрика. Л.: Прибой, 1929. С. 146.

<sup>7</sup> «Московским красным» — эпиграмма Н. Щербины (1858; опубл. 1872).

<sup>8</sup> Современные улицы Верхняя Радищевская, Яузская и Гончарная.

Лермонтова как средством характеристики персонажей. Так, в портрете Евгении Петровны Гловацкой он отмечает «кроткие, умные голубые глаза, которые *так и смотрели в душу*» (у Лермонтова глаза Бэлы «*так и заглядывали к вам в душу*»). Анна Николаевна Бахарева «томила, рвала, выплакала все глаза, отстояла колени, молясь *теплой заступнице мира холодного*», — здесь Лесковым использована прямая цитата из стихотворения Лермонтова «Молитва» 1837 года. В тексте романа «Некуда» есть реминисценции и из лермонтовской «Молитвы» 1839 года: «*Есть сила благодатная...*» Используются также выражения: «*Укор невежд, укор людей*» — из стихотворения Лермонтова «Я не хочу, чтоб свет узнал...»; «*с свинцом в груди*» — из «Смерти поэта». Имеется иронический парафраз из посвящения А. О. Смирновой 1840 года: «*Все это было бы смешно, когда бы не было так глупо*»<sup>9</sup>. У Лермонтова:

Все это было бы смешно,  
Когда бы не было так грустно.

Впрочем, у Н. С. Лескова слово «монтаньяр» как имя нарицательное живет и в тексте романа-хроники «Соборяне» (1872): «*...вы, наши принцы égalité, обратясь теперь к преимуществам своего рода и состояния по службе, должны не задирать носов перед нами, старыми монтаньярами и бывшими вашими друзьями*» (Н. Лесков. «Соборяне». Часть вторая. Глава 10).

Иван Панаев (1812—1862) в «Литературных воспоминаниях» тоже упоминает монтаньяра: «*Таков был сам Колиньи, лучшие из жирондистов, и действительно Грановский по всему строению своей души, по ее романтическому складу, по нелюбви к крайностям скорее был бы гугенот и жирондист, чем анабаптист или монтаньяр*»<sup>10</sup>. Обратим внимание на неожиданную семантику: монтаньяр — это «строение души».

Юрий Тынянов в рассказе «Гражданин Очер» пишет: «*У русского воспитанника Ромма — последнего монтаньяра — началась походная жизнь*»<sup>11</sup>.

Краткий обзор историко-литературных реминисценций и аллюзивных цитат позволяет утверждать, что и в наши дни монтаньяры не исчезли с книжных страниц. Так, в 1989 году, когда исполнилось 200 лет Великой французской революции, вышла книга профессора Н. Молчанова, которая носила краткое и емкое название: «Монтаньяры» (заметим, современный автор не стал переводить его как «Горцы»).

Стоит ли говорить, что в европейской литературе примеры употребления слова «монтаньяр» являются более многочисленными. Бальзак задумывается над тайнами монтаньяров, Виктор Гюго в своем последнем романе «Девяносто третий год» (Quatrevingt-treize), рассказывая о заключительном этапе Великой французской революции, дает меткие, хотя и предельно сжатые характеристики наиболее видных деятелей Конвента из партии монтаньяров.

В современной французской прозе о монтаньярах пишет в своем романе «За стеклом» Робер Мерль, крупный мастер, верный традициям реализма: «*Достаточно, к примеру, одного слова, чтобы объяснить, почему монтаньяры арестовывают жирондистов. Иначе все начисто лишено смысла*»<sup>12</sup>.

Примеры можно перечислять бесконечно. Важно другое: излюбленное прозвище, которым Лермонтов награждал Мартынова на французском языке, — «montagnard au

<sup>9</sup> Тотубалин Н. И. Комментарии: Н. С. Лесков. Некуда // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 2. С. 726—755.

<sup>10</sup> Панаев И. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. С. 69.

<sup>11</sup> Тынянов Ю. Гражданин Очер. М.: Эксмо, 2007.

<sup>12</sup> Мерль Р. За стеклом. М.: Прогресс, 1970. 365 с.

grand poignard» («горец с большим кинжалом»), возвращало и к образу «горца» эпохи древней Шотландии, борющегося за независимость своей страны, и к образу кавказца, сражающегося за свободу родного края, и, главное, к образу монтаньяра, преданного идеалам Великой французской революции. Круг замкнулся: слово, наполненное романтическим смыслом при обращении Лермонтова к истории его шотландских предков, попав через французскую традицию на кавказскую почву, стало фатальным для поэта, прожившего жизнь под девизом: «Судьба моя Иисус».

### **Он обещал вернуться (неизвестные свидетельства о преддуэльных событиях)**

В фондах Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске хранятся ценные материалы, касающиеся истории рода и семьи В. И. Чилаева — хозяйина домика, в котором прошли последние дни жизни М. Ю. Лермонтова. Среди них — памятная тетрадь В. И. Чилаева с записью о событиях, случившихся с ним в Пятигорске летом 1841 года. Из нее мы узнаем, что накануне трагедии, разыгравшейся у подножия Машука, горе уже постучалось в двери одного из домов, стоявших на старинной пятигорской усадьбе. Сообщая о важных событиях, случившихся с ним в Пятигорске в разное время, он пишет, что в 11 часов ночи 20 июня 1840 года к воротам его усадьбы была подкинута новорожденная девочка, которую он приютил, дав ей при крещении имя Мария. В возрасте 1 года и 23 дней она скончалась, как сообщает В. И. Чилаев, «от детской болезни». По странному стечению обстоятельств это произошло 13 июля 1841 года, в то время, когда М. Ю. Лермонтов был вызван на роковую дуэль. Когда задумываешься об этом, невольно вспоминаются строки Анны Ахматовой:

Ржавеет золото, и истлевает сталь,  
Крошится мрамор — к смерти все готово.  
Всего прочнее на земле печаль  
И долговечней — царственное слово.

Итак, на усадьбе, где М. Ю. Лермонтов снимал квартиру в 1841 году, умер младенец. Произошло это печальное событие именно в тот день, когда поэт отправился в гости в дом генерала Верзилина, находившийся по соседству. Возможно, приготовления к похоронам девочки, начавшиеся на следующий день, объясняют немедленный отъезд квартирантов — М. Ю. Лермонтова и А. А. Столыпина — в Железноводск. Поэт будто бежит от смерти, но смерть преследует его по пятам. Поединок уже назначен на 15 июля (по старому стилю).

14-го Лермонтов и Столыпин-Монго (Мунго) отправились в Железноводск. 15-го, в день дуэли, выехали в Шотландку (иначе, колония Каррас), лежащую на полпути из Железноводска в Пятигорск (ныне — поселок Иноземцево, где на улице Свободы сохранился дом Рошке, № 38, где хозяева держали ресторанчик для приезжающих отдохнуть и повеселиться молодых офицеров). Там обедали. Оттуда отправились к подножию Машука. Скажем несколько слов более подробно об этом доме, сохранившемся в бывшей колонии Каррас, — последнем месте, которое посетил в своей жизни поэт. Интересные сведения о потомке владельцев этого дома можно почерпнуть из книги А. С. Муравлева «Неизвестный Алтай. Далекое-близкое», изданной в Барнауле в 2011 году<sup>13</sup>. Автор утверждает, что в одном из алтайских музеев хранится вещь, ко-

<sup>13</sup> Муравлев А. С. Неизвестный Алтай. Далекое-близкое. Барнаул: ОАО «ИПП Алтай», 2011. С. 37–41.

торая имеет отношение к последнему дню жизни Михаила Юрьевича. История была им записана со слов Ивана Беккера, основателя музея истории медицины Алтая.

К Ивану Беккеру, в те времена главврачу больницы № 2 города Рубцовска, однажды пришел пожилой человек. Он назвался Константином Гейном, выходцем из ростовских немцев, и рассказал, что в 1943 году был выслан в Алтайский край, где после войны более 30 лет работал зоотехником в совхозе «Рубцовский». Посетитель пришел за советом. Дело в том, что он собирался уезжать к родственникам в Германию. Он выразил желание отдать в музей картины и еще кое-какие принадлежащие ему вещи, которые запрещены к вывозу за рубеж. Пригласил Беккера к себе домой, чтобы показать их. Едва Беккер перешагнул порог дома Гейна, тот неожиданно остановил его: «Стойте здесь! Вы даже не знаете, на что вы наступили!» Гость удивился: на полу лежал разложенный для просмотра старый, потертый ковер, похожий на палас. Но хозяин уверял, что именно на этом коврике сидел великий русский поэт Михаил Лермонтов, причем в самый канун гибели.

Беккер не поверил: мало ли каких сказок он наслушался, занимаясь краеведением и музейными делами. Но хозяин посадил его за стол и поведал удивительную историю. Прежде всего он показал документы, подтверждавшие прямое родство с Иоганном Рошке, своим прапрадедом. Предок рассказчика перебрался в Россию (видимо, вначале в Поволжье, затем на Кавказ) из Пруссии или Касселя, владел гостиницей и ресторацией в немецкой колонии Каррас («Шотландке» или «колонке»). Затем его имущество наследовала дочь Анна Рошке. В их ресторации не раз останавливались отобедать молодые русские офицеры, в том числе и Михаил Лермонтов.

Спустя какое-то время после этой встречи Иван Беккер попал на Кавказ. Он посетил места, где бывал великий русский поэт: Пятигорск, Железноводск и бывшую немецкую колонию Каррас (Иноземцево). Иван Беккер убедился, что уехавший к тому времени в Германию загадочный собеседник говорил правду. На доме, которым когда-то владели предки Константина Гейна, имеется мемориальная доска с барельефом Лермонтова и упоминанием о том, что поэт останавливался здесь, а в последний день своей жизни отправился отсюда к месту дуэли. Все совпадало с рассказом Константина Гейна о последнем посещении Лермонтовым ресторации Рошке.

А коврики-паласы в ту пору использовались немкой, содержательницей ресторанички, особым образом: их не стелили на пол, не вешали на стену, а спускали со стены на скамьи для посетителей. Один из них и был подарен рубцовскому музею Константином Гейном. Кроме того, как рассказал теперь уже покойный даритель, его предки долго хранили рукопись стихотворения Лермонтова, якобы посвященного и подаренного Иоганну Рошке. Однако эта страничка бесценного поэтического текста, вероятно, была утеряна в период массовой депортации немцев в годы Великой Отечественной войны...

Но до сегодняшнего дня в музее медицины Алтая бережно сохраняются предметы быта из дома Рошке лермонтовского времени: не только коврик-палас, но и две корбочки для ювелирных украшений — одна из хрусталя, другая в стиле Фаберже (клаузонируемого эмалирования). В семье же потомков Рошке передаются из поколения в поколение воспоминания хозяина ресторации, куда М. Ю. Лермонтов заезжал обедать перед дуэлью. По его словам, поэт, покидая дом Рошке, обратился к хозяину: «*Иохан*<sup>14</sup>, *приготовьте ящик шампанского за мой счет. Мы скоро вернемся из Пятигорска*»<sup>15</sup>.

Итак, поэт, отправляясь на дуэль, обещал вернуться... Действительно ли он надеялся на ее благополучный исход? Вряд ли... Но трусом он не был. А. И. Васильчиков,

<sup>14</sup> Так, по словам мемуариста, М. Ю. Лермонтов называл Иоганна Рошке.

<sup>15</sup> Воспоминания Иоганна Рошке в пересказе И. Г. Беккера приводятся впервые.

один из секундантов на роковой дуэли, позже вспоминал о том миге, который отделил русского гения от вечности. *«В эту минуту, — пишет он, — и в последний раз, я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него».*

Когда же выстрел прогремел и Лермонтов упал как подкошенный, *«черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонте, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пели вечную память новопреставленному рабу Михаилу».*

У Лермонтова есть небольшое стихотворение, написанное по-французски. Считается, что обращено оно к А. М. Верещагиной. Стихотворение это, судя по всему, было написано перед отъездом поэта из Москвы в Петербург в 1832 году. Впрочем, кому действительно посвящены лермонтовские строки, остается неизвестным, так же как и то, где сегодня находится проданный в 1951 году с аукциона в Мюнхене автограф этого стихотворения. Но читая (даже в подстрочном переводе) эти стихи, мы понимаем, что строки эти обращены к нам, сегодняшним:

Non, si j'en crois mon espérance  
 J'attends un meilleur avenir.  
 Je serai malgré la distance  
 Près de vous par le souvenir.  
 Errant sur un autre rivage,  
 De loin je vous suivrai,  
 Et sur vous si grondait l'orage,  
 Rappelez-moi, je reviendrai

Нет, если верить надежде, меня ожидает лучшее будущее. Несмотря на расстояние, я буду с вами в воспоминаниях. Блуждая на другом берегу, я издали буду следовать за вами; и если над вами разразится гроза, позовите меня — я вернусь<sup>16</sup>.

Он обещал вернуться... И он возвращается к нам своими пророчествами, возвращается стихами и прозой, возвращается дождем, соединяющим небо и землю.

<sup>16</sup> Стихотворение находилось в архиве А. М. Верещагиной, к ней оно, по-видимому, и обращено; в собрании сочинений под редакцией Висковатова датировалось 1832 годом (т. I, с. 235–236).